

УДК 327 (575.3)

DOI 10.24412/3005-849X-2026-3-30-46

**СТРАТЕГИЯ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН В УСЛОВИЯХ
РАСТУЩЕЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОНКУРЕНЦИИ (2015–2026 гг.)**

**СТРАТЕГИЯИ СИЁСАТИ
ХОРИҶИИ ҶУМҲУРИИ
ТОҶИКИСТОН ДАР ШАРОИТИ
АҶЗОИШИ РАҚОБАТИ
ГЕОПОЛИТИКӢ (2015–2026)**

**FOREIGN POLICY
STRATEGY OF THE REPUBLIC OF
TAJIKISTAN AMIDST GROWING
GEOPOLITICAL COMPETITION
(2015–2026)**

Салимов Фаррух Насимович, канд. истор. наук, доцент кафедры дипломатии и внешней политики Республики Таджикистан Таджикского национального университета (Душанбе, Таджикистан)

Салимов Фаррух Насимович, н.и.т., дотсенти кафедраи дипломатия ва сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Донишгоҳи миллии Тоҷикистон (Душанбе, Тоҷикистон)

Salimov Farrukh Nasimovich, candidate in History, associate professor of the department of diplomacy and foreign policy of the Republic of Tajikistan under the Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan)
e-mail: farrukh.n.salimov@gmail.com

Рассматривается стратегия внешней политики Республики Таджикистан после принятия Концепции внешней политики 2015 г. в условиях усиления геополитической конкуренции в Центральной Азии и активизации внешних платформ. Цель исследования — обосновать, что современный внешнеполитический курс Таджикистана выходит за рамки обычной многовекторности без функционального разграничения и приобретает форму адаптивно-иерархической многовекторности. В этой модели внешние направления различаются по функциям: обеспечение безопасности, ресурсное обеспечение развития, региональная стабилизация и укрепление международной субъектности. Методологическую основу составляют анализ официальных документов, сравнительно-функциональный подход, качественная оценка индикаторов и разбор ключевых случаев: таджикско-узбекская нормализация, таджикско-кыргызское урегулирование 2025 г., участие в форматах «ЕС — Центральная Азия», «Китай — Центральная Азия» и C5+1, водно-климатические инициативы. Сделан вывод, что устойчивость внешней политики Таджикистана определяется способностью государства распределять внешние функции, конвертировать дипломатические достижения во внутренние ресурсы развития и снижать уязвимость через региональную кооперацию.

Ключевые слова: Республика Таджикистан; внешняя политика; геополитическая конкуренция; Центральная Азия; адаптивно-иерархическая многовекторность; региональная безопасность; водно-климатическая дипломатия; международная субъектность

Стратегияи сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон пас аз қабули Консепсияи сиёсати хориҷӣ дар соли 2015 дар шароити аҷзоиши рақобати геосиёсӣ дар Осиёи Марказӣ ва ғайр аз гардидани платформаҳои ҳамкориҳои хориҷӣ таҳлил мешавад. Ҳадафи таҳқиқот асоснок намудани он нукта аст, ки сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар марҳилаи муосир бе ҷудокунии функционалӣ аз доираи бисёрсамтии маъмулӣ берун мебарояд ва он шакли бисёрсамтии мутобиқшавандаю иерархиро касб мекунад. Дар ин модел самтҳои хориҷиро аз рӯи вазифа фарқ мекунад: таъмини амният, таъмини захираҳои рушд, суботи минтақавӣ ва таҳкими субъектии байналмилалӣ давлат. Асоси методологиро

таҳлили санадҳои расмӣ, равиши муқоисавию функционалӣ, арзёбии сифатии нишондиҳандаҳо ва баррасии ҳолатҳои калидӣ ташиқ мекунад: ба эътидол омадани муносибатҳои Тоҷикистону Ёзбекистон, раванди ҳалли масъалаҳои Тоҷикистону Қирғизистон дар соли 2025, иштироки Тоҷикистон дар форматҳои Иттиҳоди Аврупо — Осиёи Марказӣ, Чин — Осиёи Марказӣ ва C5+1, ташаббусҳои марбут ба обу иқлим. Хулоса гардидааст, ки устувории сиёсати хориҷии Тоҷикистонро қобилияти зерини давлат муайян мекунад: тақсими кардани вазифаҳои беруна, табдили дастовардҳои дипломатӣ ба захираҳои дохилии рушд ва қоҳиши осебазирӣ тавассути ҳамкориҳои минтақавӣ.

Калидвожаҳо: Ҷумҳурии Тоҷикистон; сиёсати хориҷӣ; рақобати геосиёсӣ; Осиёи Марказӣ; бисёрсамтии мутобиқшавандаю иерархӣ; амнияти минтақавӣ; дипломатияи обу иқлим; ҷойгоҳу нақши байналмилалӣ

The article examines the foreign policy strategy of the Republic of Tajikistan following the adoption of the 2015 Foreign Policy Concept, against the backdrop of intensifying geopolitical competition in Central Asia and the increased activity of external platforms. The study aims to demonstrate that Tajikistan's contemporary foreign policy course transcends the bounds of conventional multi-vectorism—which lacks functional differentiation—and is evolving into a form of adaptive-hierarchical multi-vectorism. In this model, external policy directions are distinguished by their functions: ensuring security, securing resources for development, regional stabilization, and strengthening international agency. The methodological framework comprises the analysis of official documents, a comparative-functional approach, the qualitative assessment of indicators, and the examination of key cases: the normalization of Tajik-Uzbek relations, the 2025 Tajik-Kyrgyz settlement, participation in the "EU–Central Asia," "China–Central Asia," and C5+1 formats, and water and climate initiatives. It is concluded that the resilience of Tajikistan's foreign policy is determined by the state's ability to distribute external functions, convert diplomatic achievements into domestic development resources, and reduce vulnerability through regional cooperation.

Key-words: Republic of Tajikistan; foreign policy; geopolitical competition; Central Asia; adaptive-hierarchical multi-vectorism, regional security; water and climate diplomacy; international agency

Введение

Для Республики Таджикистан внешняя политика является не периферийным направлением государственного управления, а одним из механизмов сохранения суверенитета, обеспечения безопасности и привлечения ресурсов развития. Географическое положение страны, сложность приграничной среды, зависимость части социально-экономической устойчивости от трудовой миграции, стратегическое значение гидроэнергетики и конкуренция внешних инфраструктурных, финансовых и политико-дипломатических проектов превращают дипломатию в практический инструмент национальной устойчивости. Концепция внешней политики 2015 г. закрепила политику открытых дверей, приоритет добрососедства, экономическую дипломатию, водное сотрудничество и активное участие в международных организациях [1, разд. I–III].

Актуальность темы определяется тем, что в 2015–2026 гг. Центральная Азия стала пространством одновременного действия нескольких внешних платформ. Россия и ОДКБ сохраняют значение в сфере обеспечения безопасности, что подтверждается учениями «Рубеж-2024» в Таджикистане [2]. Европейский союз после первого саммита ЕС — Центральная Азия заявил о переводе отношений с регионом в формат стратегического партнерства [3]. Китай на втором саммите «Китай — Центральная Азия» закрепил

приоритет инфраструктурной, торговой, образовательной, а также связанной с безопасностью повестки [4]. Формат «C5+1» продолжил институционализацию диалога США с государствами региона [5]. Одновременно Всемирный банк, АБИИ и ИБР участвуют в финансировании Рогунской ГЭС, а ВМО поддерживает водно-климатическую повестку Таджикистана [6; 7; 8; 9].

В этих условиях общее объяснение внешней политики Таджикистана через термин «многовекторность» становится недостаточным. Широкий круг партнеров сам по себе не создает стратегической устойчивости: при отсутствии иерархии целей он может превратиться в набор параллельных контактов, слабо связанных с внутренними результатами. Для Таджикистана принципиально важно различать, какие направления обеспечивают безопасность, какие формируют ресурсную основу развития, какие снижают региональную конфликтность, а какие укрепляют международную субъектность государства.

Цель статьи — выявить структуру и логику внешнеполитической стратегии Республики Таджикистан в 2015–2026 гг. и обосновать положение, что в условиях растущей геополитической конкуренции она приобретает форму адаптивно-иерархической многовекторности. Исследование отвечает на три вопроса: как изменилась логика стратегии после принятия Концепции 2015 г.; какие функциональные контуры обеспечивают устойчивость курса; при каких условиях многовекторность становится не описательным принципом, а режимом упреждающего внешнеполитического управления. Рабочая гипотеза состоит в том, что устойчивость курса определяется не равной дистанцией от всех внешних центров, а институционально управляемым распределением функций между направлениями дипломатии.

Историография вопроса и исследовательский подход

Отечественная литература по внешней политике Таджикистана формировалась вокруг нескольких линий: становление дипломатии независимого государства, нормативное закрепление приоритетов, национальные интересы, участие в международных организациях и развитие двусторонних отношений. Работы А. Сатторзода, З. Ш. Саидзода, Ш. Ш. Ризоёна и А. Н. Шарипова важны тем, что рассматривают внешнюю политику как инструмент легитимации государственности и обеспечения устойчивости в сложной региональной среде [10, с. 35–62; 11, с. 107–126; 12, с. 98–125; 13, с. 1503–1510]. Однако в этих исследованиях сравнительно меньше внимания уделено тому, как после 2015 г. внешнеполитические функции распределяются между разными партнерами и форматами.

Вторая группа работ раскрывает отдельные направления дипломатической практики: региональную стабильность, отношения с соседями, приграничные вопросы, влияние внешних акторов, миграционную и водную проблематику. Для настоящей статьи существенны исследования Г. С. Майтдиновой о политике Таджикистана по поддержанию стабильности в Центральной Азии, Д. С. Попова о государствах региона во внешней политике Таджикистана, а также работы, где анализируются внешние акторы, таджикско-узбекское сотрудничество и таджикско-кыргызские приграничные отношения [14, с. 75–95; 15, с. 102–120; 16, с. 5–13; 17, с. 24–33; 18, с. 5–14]. Эти публикации фиксируют практические механизмы адаптации, но чаще рассматривают их по отдельности.

Региональная и международная литература позволяет включить таджикский случай в более широкие рамки. Исследования Л. Деловаровой, Н. Султанмуратова и А. Еремекбаева показывают потенциал экономической кооперации в Центральной Азии, работа Н. О. Аккожиной и К. Г. Даркенова выделяет роль международных организаций в региональной безопасности, а публикации С. Хайдаралиева, Ф. Самадовой и Г. Чыныкеевой дополняют анализ перспективой Узбекистана и Кыргызстана [19, р. 143–155; 20, р. 32–41; 21, р. 82–86;

22, р. 77–82]. Теория региональных комплексов безопасности Б. Бузана и О. Вэвера объясняет плотность взаимозависимости соседних государств, а А. Кули показывает, что конкуренция великих держав не отменяет самостоятельной роли местных правил, институтов и интересов [23, р. 43–50; 24, р. 1–16].

Обобщение изученной литературы указывает на недостаточно разработанный аспект: внешняя политика Таджикистана изучена по отдельным направлениям, но слабее объяснена внутренняя связь между ними. Остается открытым вопрос: почему один партнер выполняет преимущественно функцию обеспечения безопасности, другой — инфраструктурную, третий — регионально-стабилизирующую, четвертый — водно-климатическую, а пятый — функцию расширения дипломатического маневра. Настоящая статья развивает этот подход через модель адаптивно-иерархической многовекторности.

Практическая значимость такого подхода состоит в возможности более строгого аудита внешнеполитических обязательств и выгод. Если внешняя политика рассматривается как совокупность функций, то государственные институты могут оценивать не только частоту встреч и количество подписанных документов, но и реальную отдачу: снижение рисков, доступ к финансированию, развитие инфраструктуры, кадровый результат, научно-технологический вклад и репутационную ценность. Для государства с ограниченными ресурсами и высокой зависимостью от качества внешнеполитического планирования такая постановка вопроса имеет прикладное значение.

Выбранный исследовательский подход позволяет избежать двух крайностей. Первая крайность — механическая ориентация на один опорный центр, при которой снижается пространство маневра. Вторая — расширение контактов без ясной функциональной связи с национальными задачами, когда дипломатическая активность не преобразуется во внутренние результаты. Таджикский случай показывает, что зрелая многовекторность требует не одинакового отношения ко всем партнерам, а точного распределения ролей между ними.

Понятийный аппарат, источники и методы

Внешнеполитическая стратегия понимается нами как относительно устойчивая система приоритетов, обязательств, инструментов и процедур, посредством которых государство обеспечивает безопасность, развитие и международную субъектность. Геополитическая конкуренция трактуется не публицистически, а как одновременное присутствие в регионе внешних акторов, предлагающих частично пересекающиеся механизмы безопасности, инфраструктурного развития, кредитования, транспортной связанности, гуманитарного сотрудничества, образовательных программ и нормативного влияния.

Ключевое авторское понятие — адаптивно-иерархическая многовекторность. Под ним понимается такая организация внешней политики малого государства, при которой внешние направления не признаются равноценными по всем параметрам, а распределяются по функциональным уровням. В отличие от балансирования между центрами силы, адаптивно-иерархическая многовекторность предполагает не равное распределение внешнеполитического веса между партнёрами, а закрепление за каждым направлением определённой функции в системе национальных интересов. Первый уровень обеспечивает базовую безопасность и минимальную внешнюю устойчивость; второй формирует ресурсную основу развития через инвестиции, инфраструктуру, энергетику и транспорт; третий снижает региональную конфликтность через добрососедство и приграничную деэскалацию; четвертый укрепляет международную субъектность через водную, климатическую, научную и гуманитарную повестку.

Для перевода предложенной модели в плоскость сопоставимого анализа используются восемь аналитических индикаторов: институциональная закреплённость обязательств;

функциональная диверсификация внешних связей; проектная конверсия дипломатических договоренностей; плотность регионального добрососедства; транспортно-энергетическая связанность; водно-климатическая субъектность; антикризисная перестройка; межведомственная конверсия внешнеполитических результатов. Единицей анализа выступает не отдельный визит или заявление, а внешнеполитический контур как устойчивое сочетание целей, партнеров, инструментов и ожидаемых последствий.

Источниковую базу составляют пять групп материалов: официальные документы Республики Таджикистан и материалы МИД; документы внешних платформ за 2024–2025 гг.; материалы международных финансовых институтов и организаций по Рогунской ГЭС, воде и ледникам; отечественная и региональная научная литература; сравнительно-теоретические исследования по региональной безопасности и конкуренции внешних акторов. Методы включают: анализ документов, сравнительно-функциональный анализ, качественную оценку индикаторов и рассмотрение ключевых случаев. Ограничение исследования состоит в том, что оно опирается на открытые источники, не раскрывает закрытый контур принятия решений и не претендует на окончательную оценку событий 2025–2026 гг., поскольку они еще не имеют достаточной исторической дистанции.

Логика модели состоит в том, что каждый контур не должен подменять собой другой. Безопасность без развития может закрепить зависимость; развитие без регионального доверия сталкивается с транзитными и пограничными ограничениями; регионализация без международной субъектности остается уязвимой к внешнему перераспределению повестки; инициативность без внутренней конверсии рискует остаться преимущественно символической. Поэтому устойчивость стратегии проявляется не в максимальной активности по всем направлениям, а в согласованности функций, инструментов и ожидаемых результатов.

Методологически это требует отличать балансирование от функциональной диверсификации. Балансирование предполагает прежде всего распределение внешнеполитического веса между центрами силы. Функциональная диверсификация делает акцент на том, какую задачу выполняет каждый партнер или формат в системе национальных интересов. Для анализа малых государств такой подход продуктивнее, поскольку позволяет измерять не декларативную «равную дистанцию», а способность государства получать разную пользу от разных направлений, не превращая одну зависимость в другую.

Аналитические результаты исследования

Периодизация трансформации внешнеполитической стратегии после 2015 г. определяется не сменой формальной доктрины, а изменением доминирующего механизма устойчивости. В 2015–2016 гг. главным был нормативно-институциональный каркас Концепции внешней политики. В 2017–2021 гг. расширилось региональное пространство маневра, прежде всего за счет нормализации отношений с Узбекистаном и оживления центральноазиатской кооперации [18, с. 5–14; 21, р. 82–86]. Усложнение международной среды в 2022–2024 гг. усилило значение антикризисной перестройки, санкционных ограничений, транспортных маршрутов и энергетических проектов [16, с. 5–13; 19, р. 143–155]. В 2025–2026 гг. одновременно проявились таджикско-кыргызское урегулирование, трехсторонняя региональная встреча в Худжанде, саммиты «ЕС — Центральная Азия» и «Китай — Центральная Азия», работа «C5+1», финансирование Рогуна и проведение в Душанбе Международной конференции по сохранению ледников [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 25; 26].

Таблица 1. – Периодизация и функциональные контуры внешнеполитической стратегии Республики Таджикистан

Этап	Доминирующий механизм	Ключевые эмпирические признаки	Аналитическое значение
2015–2016	доктринальное закрепление	Концепция внешней политики 2015 г.; нормативное оформление политики открытых дверей, добрососедства и экономической дипломатии	многовекторность выступает как рамочный принцип, но еще не как развитая функциональная система
2017–2021	расширение регионального маневра	нормализация таджикско-узбекских отношений; оживление торговли, транспортных и гуманитарных контактов	региональное добрососедство становится ресурсом для снижения уязвимости
2022–2024	антикризисная перестройка	рост значения санкционных режимов, маршрутов, энергетики, миграции и внешнего финансирования	возникает необходимость разводить функции между партнерами и платформами
2025–2026	уплотнение адаптивно-иерархической многовекторности	саммиты «ЕС — ЦА» и «Китай — ЦА»; «С5+1»; таджикско-кыргызские документы; Международная конференция по сохранению ледников; финансирование Рогунской ГЭС	безопасность, развитие, региональная стабилизация и международная субъектность работают как связанные контуры

Источник: составлено автором по [1; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 16; 17; 18; 19; 20; 23; 25; 26].

Контур обеспечения безопасности остается базовым для Таджикистана. Его значение определяется близостью к афганскому направлению, сложностью горных границ, необходимостью координации действий в борьбе с трансграничными угрозами и участием страны в ОДКБ и ШОС. Учения «Рубеж-2024» показали, что военная координация сохраняет практическое значение, а не является только формальным обязательством [2]. Однако в адаптивно-иерархической логике безопасность выступает основанием стратегии, но не заменяет задачи развития. Чрезмерная концентрация внешнеполитических функций вокруг одного опорного направления сокращает дипломатический маневр и повышает чувствительность государства к изменениям в политике ключевого партнера [24, р. 1–16; 27, р. 54–56].

Инвестиционно-инфраструктурный контур переводит дипломатическую активность в материальные ресурсы развития. Наиболее показателен пример Рогунской ГЭС. В декабре 2024 г. Всемирный банк одобрил грант Международной ассоциации развития в размере 350 млн долл. США как первую фазу программы поддержки проекта [6]. АБИИ утвердил финансирование в сумме 270 млн долл. США и связывает проект с национальной и региональной энергетической безопасностью, возобновляемой энергетикой и трансграничной связанностью [7]. ИБР сообщил о соглашениях на 150 млн долл. США для

Рогунской ГЭС [8]. Смысл этого контура не только в объеме средств, но и в способности соединить национальную энергетическую повестку с требованиями финансовой дисциплины, экологической оценки и регионального рынка.

Контур региональной стабилизации приобрел самостоятельное значение после 2017 г. Нормализация отношений с Узбекистаном расширила пространство для транспортных, торговых и гуманитарных контактов; таджикско-кыргызские документы 2025 г. и трехсторонняя встреча глав Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана в Худжанде обозначили переход от конфликтной инерции к институциональной деэскалации [17, с. 24–33; 18, с. 5–14; 25; 26]. Тем не менее, политические договоренности нуждаются в повседневном подкреплении: в работе комиссий, режимах пересечения, локальной торговле, совместной инфраструктуре и коммуникациями между приграничными общинами. Без этого региональная разрядка остается зависимой от верхнего политического уровня.

Нормативно-инициативный контур выражает способность Таджикистана не только участвовать в чужих форматах, но и предлагать международную повестку. Водная дипломатия и инициативы по сохранению ледников позволяют Душанбе связывать национальные интересы с глобально значимыми проблемами. Резолюции ООН по Десятилетию действий «Вода для устойчивого развития» и Международному году сохранения ледников, а также Международная конференция по сохранению ледников в Душанбе в 2025 г. усилили узнаваемость Таджикистана как инициатора водно-климатического диалога [9; 28; 29]. Долгосрочный эффект от этого контура зависит от внутренней конверсии: развития мониторинга ледников, гидрологической науки, подготовки специалистов, систем раннего предупреждения и трансграничного водного диалога.

Ключевые эмпирические случаи

Эмпирически предложенная модель проверяется на нескольких случаях, каждый из которых отражает отдельный контур стратегии. Таджикско-узбекская нормализация показывает, что региональное добрососедство может быть не только результатом политической разрядки, но и самостоятельным ресурсом для внешнеполитической устойчивости. Расширение транспортных, торговых и гуманитарных связей после 2017 г. укрепило региональную связанность Душанбе и снизило зависимость от внешних маршрутов. Таджикско-кыргызское урегулирование 2025 г. имеет иной характер: оно демонстрирует переход от кризисной пограничной повестки к институциональному оформлению деэскалации, но его устойчивость зависит от исполнения договоренностей на местном уровне [17, с. 24–33; 18, с. 5–14; 25; 26].

Второй случай связан с Рогунской ГЭС и показывает, каким образом дипломатия может преобразовываться в ресурс развития. Финансирование от Всемирного банка, АБИИ и ИБР важно не только как финансовая поддержка конкретного объекта. Оно формирует более широкую архитектуру проектной легитимации, где энергетическая безопасность Таджикистана соединяется с требованиями экологической и социальной оценки, региональной энергетической связанностью и климатической повесткой. Именно здесь проявляется отличие проектной конверсии от обычного привлечения средств: внешний ресурс приобретает стратегическое значение только тогда, когда уменьшает структурную уязвимость государства [6; 7; 8].

Третий случай относится к водно-климатической дипломатии. Международные инициативы Таджикистана по воде и ледникам позволяют государству с ограниченными материальными ресурсами выступать не только получателем помощи, но и организатором глобальной повестки. Однако этот контур имеет двойственную природу: он повышает международную видимость и расширяет коалиции, но требует внутреннего продолжения в

виде научных данных, мониторинга ледников, подготовки специалистов и прикладных программ адаптации горных территорий. Поэтому итоговая ценность инициатив определяется не только числом резолюций и конференций, но и степенью их перевода в национальную научно-технологическую инфраструктуру [9; 28; 29].

Типология моделей внешнеполитической адаптации

Предложенная модель может быть уточнена через сопоставление с другими способами внешнеполитической адаптации малых государств. Союзно-опорная модель обеспечивает быстрый доступ к гарантиям безопасности и институционально понятным обязательствам, но ограничивает гибкость вне сферы обеспечения безопасности. Многовекторность без функционального разграничения расширяет круг контактов, однако при слабой внутренней координации создает риск размывания приоритетов и символической дипломатической активности. Проектно-геоэкономическая модель дает быструю конверсию внешней политики в финансирование, инфраструктуру и технологии, но может усилить долговые, экологические и управленческие риски.

Нормативно-инициативная модель, напротив, усиливает международную субъектность государства через продвижение универсально значимых тем. В случае с Таджикистаном такими темами выступают вода, ледники, климатическая устойчивость и горные экосистемы. Ее ограничение состоит в том, что без научной базы, мониторинга, подготовки кадров и институционального сопровождения дипломатический успех может остаться преимущественно репутационным. Поэтому нормативная инициатива должна быть связана с внутренним развитием знаний, данных, лабораторий, экспертных сетей и прикладных программ адаптации.

Адаптивно-иерархическая многовекторность отличается от перечисленных моделей тем, что не абсолютизирует ни союзную опору, ни проектную дипломатию, ни нормативную инициативность. Она предполагает сочетание нескольких моделей, но при ясной иерархии задач. Обеспечение безопасности не отменяет инвестиционно-инфраструктурный контур; геоэкономические проекты не подменяют регионального доверия; водно-климатическая субъектность не заменяет практической работы с соседями. Именно это функциональное разведение позволяет Таджикистану сохранять маневренность в условиях, когда внешние акторы предлагают разные ресурсы, но одновременно формируют новые зависимости.

Следовательно, стратегия Республики Таджикистан не может быть описана как выбор одной внешнеполитической формулы. Она представляет собой сочетание союзно-опорных, проектно-геоэкономических, регионально-стабилизирующих и нормативно-инициативных элементов. Ее качество определяется тем, насколько государство способно удерживать границы между этими функциями, регулярно оценивать их отдачу и не допускать, чтобы один контур поглощал остальные. В этом состоит аналитическое отличие адаптивно-иерархической многовекторности от традиционного, более описательного понимания многовекторной внешней политики.

Функциональная иерархия внешних акторов

Вопрос о «главном» внешнем партнере Таджикистана методологически корректен только при уточнении сферы анализа. Россия и ОДКБ выполняют ключевую функцию в области обеспечения безопасности; Китай имеет особое значение для инфраструктуры, торговли, развития промышленности и транспортной связанности; государства Центральной Азии важны для региональной деэскалации и транзита; ЕС усиливает направление стандартов, технической поддержки и устойчивой связанности; США через «С5+1» поддерживают селективную диверсификацию, политический диалог и экономическую повестку; ООН и международные финансовые институты дают нормативную легитимацию, экспертные рамки и проектные ресурсы.

Таблица 2. – Сравнительная рамка внешних акторов в стратегии Республики Таджикистан (2015–2026 гг.)

Актор группа /	Ключевая функция	Основные инструменты	Выгоды для Таджикистана	Ограничения / риски
Россия / ОДКБ	базовая безопасность и силовая координация	союзные обязательства; учения; военно-политические механизмы	сдерживание угроз; институциональная предсказуемость	риск концентрации зависимости и сужения маневренности
Китай	инфраструктура, торговля, инвестиции и связанность	саммитная дипломатия; проекты; транспортно-логистические инициативы	ресурсы развития; включение в региональные цепочки	асимметрия масштабов и риск односторонней проектной зависимости
Государства Центральной Азии	добрососедство, деэскалация и транзит	двусторонние соглашения; комиссии; трехсторонние и региональные форматы	снижение конфликтности; рост торговли и транзита	хрупкость доверия и зависимость от внутренней динамики поведения соседей
ЕС	стандарты, техническая поддержка и устойчивая связанность	саммитные и министерские форматы; проекты развития; образовательные программы	дополнительные ресурсы, нормы и каналы для маневра	ограниченность ресурсной глубины и нормативная избирательность
США / C5+1	селективная диверсификация и политико-экономический диалог	C5+1; экономическая дипломатия; программы сотрудничества	дополнительный канал для партнерства; поддержка отдельных направлений развития	неравномерность интересов и риск политизации повестки
ООН и международные финансовые институты	нормативная легитимация, водно-климатическая повестка и проектное финансирование	резолюции; конференции; гранты и кредиты; экспертные сети	рост субъектности; доступ к финансированию и знаниям	длительные циклы реализации и сложность внутренней конверсии

Источник: составлено автором по [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 16; 19; 23-30; 31]

Таблица 2 подтверждает главный аналитический вывод: внешняя политика Таджикистана не является простой суммой отношений с разными партнерами. Ее устойчивость зависит от того, насколько государство удерживает различия между функциями внешних акторов. Там, где функции смешиваются, возрастает риск зависимости или неопределенности; там, где они разведены, появляется пространство для стратегического маневра.

Такой подход снимает ложную дилемму выбора между центрами силы. Для Таджикистана продуктивнее не декларативная равнодистанционность, а точное распределение функций. Один актор может быть первостепенным в сфере обеспечения безопасности и второстепенным в сфере образовательных программ; другой может быть важен для инфраструктуры, но не способен заменить региональную деэскалацию; третий может усиливать международную субъектность, но не решает проблему роста энергетической мощности. Иерархия функций позволяет оценивать не символический статус партнера, а его практическую отдачу для национальных интересов.

Индикаторная оценка контуров

Для проверки предложенной модели используется качественная шкала 0–2, где **0** означает отсутствие устойчивого проявления признака, **1** — частичное или эпизодическое проявление, **2** — институционализированное и воспроизводимое проявление. Такая оценка не заменяет количественного измерения, однако позволяет выявить внутреннюю динамику стратегии и показать, какие контуры внешней политики усиливались на разных этапах после принятия Концепции внешней политики 2015 г.

Таблица 3. – Индикаторная оценка функциональных контуров внешнеполитической стратегии Республики Таджикистан в 2015–2026 гг.

Период	Контур обеспечения безопасности	Инвестиционно-инфраструктурный контур	Контур региональной стабилизации	Нормативно-инициативный контур	Общая интерпретация
2015–2016	2	1	1	1	Преобладает нормативно-институциональное закрепление внешнеполитического курса; остальные контуры обозначены в Концепции 2015 г., но ещё не имеют высокой проектной плотности
2017–2021	2	1	2	1	Усиливается региональное пространство для маневра, прежде всего за счёт нормализации таджикско-узбекских отношений и оживления центральноазиатской кооперации
2022–2024	2	2	1	1	На фоне усложнения международной среды возрастает значение антикризисной перестройки, энергетики, внешнего финансирования и транспортной связанности; региональный контур остаётся неоднородным

2025–2026	2	2	2	2	Формируется наиболее плотное сочетание контуров: таджикско - кыргызское урегулирование, трехсторонняя встреча в Худжанде, финансирование Рогунской ГЭС, саммиты «ЕС — Центральная Азия» и «Китай — Центральная Азия», формат «С5+1» и проведение в Душанбе Международной конференции по сохранению ледников
-----------	---	---	---	---	---

Источники: составлено автором по [1–9; 16–19; 25; 26; 27; 28; 29]

Представленная оценка показывает, что переход от общей многовекторности к адаптивно-иерархической модели происходил не одномоментно. В 2015–2016 гг. доминировал контур обеспечения безопасности, а остальные направления находились преимущественно на уровне нормативного закрепления. В 2017–2021 гг. заметно усилился контур региональной стабилизации, связанный с нормализацией отношений с Узбекистаном. В 2022–2024 гг. возросла роль инвестиционно-инфраструктурного контура, поскольку энергетика, транспортные маршруты и внешнее финансирование стали важными элементами антикризисной адаптации. В 2025–2026 гг. все четыре контура получили более выраженное институциональное наполнение, что позволяет говорить об уплотнении адаптивно-иерархической многовекторности.

Индикаторная логика показывает, что устойчивость возникает не в момент максимальной активности по всем направлениям, а тогда, когда контуры начинают взаимно дополнять друг друга. Документы по таджикско-кыргызскому урегулированию усиливают региональную стабилизацию; финансирование Рогунской ГЭС укрепляет инвестиционно-инфраструктурный контур; проведение в Душанбе Международной конференции по сохранению ледников повышает значение нормативно-инициативного контура; совместные учения ОДКБ поддерживают контур обеспечения безопасности. В совокупности эти элементы формируют более плотную, но одновременно более сложную стратегическую архитектуру [2; 6–9; 25; 26].

Системные ограничения и точки роста

Несмотря на усложнение внешнеполитической архитектуры, стратегия Таджикистана сохраняет несколько ограничений. Первое связано с концентрацией базовой безопасности вокруг сравнительно узкого круга институтов и партнеров. Такая концентрация рациональна в краткосрочном плане, но требует контроля асимметрии, иначе контур обеспечения безопасности начнет задавать рамки для геоэкономических и региональных маневров. Второе ограничение — неполная конверсия дипломатических достижений во внутренние результаты: между соглашением, конференцией или одобрением финансирования и реальным эффектом могут возникать разрывы, связанные с кадрами, статистикой, мониторингом, проектным управлением и межведомственным сопровождением.

Третье ограничение состоит в недостаточной сопоставимости данных. Разные ведомства могут оценивать один и тот же внешний формат по разным критериям — дипломатическим, финансовым, инфраструктурным, связанным с обеспечением безопасности или репутационным. В результате затрудняется ответ на ключевой вопрос: какую функцию выполняет данное направление и какова его отдача? Четвертое ограничение касается раннего предупреждения: изменения маршрутов, тарифов, миграционных правил, кредитных условий, санкционных режимов, требований финансовых институтов и климатические риски часто проявляются постепенно, но их последствия могут стать внутренними проблемами государства.

Точки роста должны быть связаны не с механическим расширением численности форматов, а с качеством управления уже существующей сложностью. Во-первых, целесообразно сформировать межведомственную матрицу внешнеполитических обязательств и выгод, где каждый крупный формат оценивается по единым критериям: безопасность, экономическая отдача, региональный эффект, кадровый результат, научно-технологический вклад, репутационная ценность и риски зависимости. Во-вторых, необходим регулярный аудит внешнеполитической результативности: не подсчет визитов и документов, а проверка того, какие ресурсы привлечены, какие проекты реализованы, какие риски снижены и какие компетенции сформированы.

В-третьих, региональное добрососедство следует укреплять через прикладные механизмы: локальные экономические проекты, согласованные маршруты, приграничные ярмарки, образовательные обмены, каналы связи между местными администрациями и совместную инфраструктуру. В-четвертых, водно-климатическую дипломатию нужно плотнее связывать с университетами, академическими институтами, гидрометеорологической службой, инженерной подготовкой и международными научными сетями. В-пятых, сценарное планирование должно стать регулярной процедурой: государству необходимо заранее моделировать, как поведение внешних акторов влияет на безопасность, миграцию, энергетику, транспорт, финансы и региональные отношения.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что внешнеполитическую стратегию Республики Таджикистан в 2015–2026 гг. уже нельзя убедительно описывать только как обычную многовекторность. Такая характеристика слишком общая и не объясняет внутренней архитектуры курса. Более точным является понятие «адаптивно-иерархическая многовекторность», поскольку оно фиксирует две ключевые черты: способность государства перенастраивать внешние инструменты в меняющейся среде и наличие функциональной иерархии между направлениями дипломатии.

Безопасность, развитие, региональное добрососедство и международная инициативность не являются конкурирующими линиями. Они образуют разные контуры одной стратегии. Контур обеспечения безопасности удерживает минимально необходимую устойчивость. Инвестиционно-инфраструктурный контур преобразует дипломатическую активность в ресурсы развития. Контур региональной стабилизации снижает внешнеполитическую уязвимость через деэскалацию и практическое сотрудничество. Нормативно-инициативный контур повышает субъектность страны через водные инициативы, климат, ледники и глобально значимые темы.

Научный вклад статьи состоит в трех положениях. Во-первых, предложено понятие «адаптивно-иерархическая многовекторность» и раскрыто его содержание через систему аналитических индикаторов. Во-вторых, разработаны четырехконтурные рамки для анализа, позволяющие совместно рассматривать безопасность, геоэкономику, региональное добрососедство и международную субъектность. В-третьих, построена функциональная матрица внешних акторов, где значение партнера определяется не символическим статусом, а конкретной ролью в системе национальных интересов.

Практический смысл исследования заключается в том, что предложенная модель помогает государственным институтам различать внешние направления по функциям, проводить аудит обязательств и выгод, а также оценивать отдачу от внешнеполитических форматов не по количеству мероприятий, а по результатам. Главный вывод состоит в том, что устойчивость внешней политики Таджикистана определяется не насыщенностью дипломатического календаря, а способностью государства заранее понимать, какой контур

отвечает за безопасность, какой — за ресурс развития, какой — за региональное доверие, какой — за международную субъектность и как эти контуры должны взаимно поддерживать друг друга. Для будущей внешней политики важна не только реакция на уже сложившиеся обстоятельства, а раннее формирование такой среды из международных опор, региональных договоренностей, проектных ресурсов и научно-дипломатических инициатив, при которой неблагоприятные изменения не застают государство в положении вынужденного выбора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Концепция внешней политики Республики Таджикистан: утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 27 января 2015 г., № 332 // Министерство иностранных дел Республики Таджикистан. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 06.03.2026).
2. В Таджикистане завершилась активная фаза совместного учения «Рубеж-2024». 21.10.2024 // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-tadzhikistane-zavershilas-aktivnaya-faza-sovmestnogo-ucheniya-rubezh-2024/ (дата обращения: 08.03.2026).
3. Joint Declaration following the first European Union-Central Asia summit. 04.04.2025 // European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/04/04/joint-declaration-following-the-first-european-union-central-asia-summit/> (дата обращения: 06.05.2026).
4. Xi Jinping Attends the Second China-Central Asia Summit and Delivers a Keynote Speech. 17.06.2025 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zy/jj/xjpcxdejzgyfjh/202506/t20250619_11653305.html (дата обращения: 06.05.2026).
5. Meeting of the Secretariat “Central Asia — United States” in C5+1 Format. 04.09.2025 // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan. URL: <https://www.mfa.tj/en/main/view/17488/meeting-of-the-secretariat-central-asia-united-states-in-c51-format> (дата обращения: 06.05.2026).
6. World Bank Supports Rogun Hydropower Project to Improve Access to Affordable, Reliable, and Sustainable Electricity in Tajikistan and Central Asia. 17.12.2024 // The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/12/17/world-bank-support-rogun-hydropower-project-to-improve-access-affordable-reliable-and-sustainable-electricity-tajikistan> (дата обращения: 06.05.2026).
7. Tajikistan: Rogun Hydropower Development Project – Phase 1 // Asian Infrastructure Investment Bank. URL: <https://www.aiib.org/en/projects/details/2024/approved/Tajikistan-Rogun-Hydropower-Development-Project-Phase-1.html> (дата обращения: 06.05.2026).
8. IsDB and Tajikistan Consolidate Cooperation in Hydropower Sector with US\$150 Million Financing Agreement. 10.06.2024 // Islamic Development Bank. URL: <https://www.isdb.org/news/isdb-and-tajikistan-consolidate-cooperation-in-hydropower-sector-with-us150-million-financing-agreement> (дата обращения: 06.05.2026).
9. Tajikistan hosts international conference on glaciers' preservation. 30.05.2025 // World Meteorological Organization. URL: <https://wmo.int/news/media-centre/tajikistan-hosts-international-conference-glaciers-preservation> (дата обращения: 06.05.2026).
10. Сатторзода А. Актуальные проблемы внешней политики Таджикистана (многовекторность в действии) / А. Сатторзода; отв. ред. Ф. Н. Салимов. – Душанбе: Моху-Мунир, 2026. – 461 с. – ISBN 978-99985-31-29-1.

11. Саидов З. Ш. *Внешняя политика Республики Таджикистан (1991–2017 гг.): учебное пособие*. 2-е изд., доп. - Душанбе: Контраст, 2017. - 142 с.
12. Ризоён Ш. Ш. *Национальные интересы во внешней политике Республики Таджикистан: монография*. - Душанбе: Дониш, 2020. - 320 с.
13. Шарипов А. Н. Основные этапы формирования внешней политики Республики Таджикистан // *Постсоветские исследования*. -2019. -Т. 2. № 7. -С. 1503–1510.
14. Майтдинова Г. С. Политика Таджикистана по поддержанию стабильности Центральной Азии в условиях формирующегося полицентричного мира // *Международные отношения и безопасность*. -2022.- № 1(1).- С. 75–95.
15. Попов Д. С. Государства Центральной Азии во внешней политике Республики Таджикистан: проблемы и динамика взаимоотношений // *Проблемы национальной стратегии*. -2020.- № 4(61).- С. 102–120.
16. Салимов Ф. Н. Влияние внешних акторов на стабильность Центральной Азии: конкуренция стратегий России, Китая, США и ЕС // *Вестник Таджикского национального университета*. -2025. -№ 12.- С. 5–13.
17. Салимов Ф. Н., Гулбекова С. Ф. Влияние геополитических факторов на развитие приграничных отношений Таджикистана и Кыргызстана // *Вестник Таджикского национального университета*. -2024. -№ 6. Ч. II. -С. 24–33.
18. Салимов Ф. Н. *Стратегическое сотрудничество Республики Таджикистан и Республики Узбекистан в контексте современных глобальных вызовов и угроз (2017–2023 гг.)* // *Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук*. -2023. -№ 10. -С. 5–14.
19. Akkhozina N. O., Darkenov K. G. The role of international organizations in ensuring regional security in Central Asia: The case of the SCO and NATO // *Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University*. 2024. No. 149(4). P. 143–155.
20. Delovarova L., Sultanmuratov N., Yermekbayev A. Some theoretical and practical aspects of regional integration in Central Asia. Assessing the potential for economic cooperation // *Journal of Central Asian Studies*. 2023. Vol. 89. No. 1. P. 32–41.
21. Khaidaraliev S. The role of Uzbekistan in regional security and cooperation in Central Asia // *Society and Innovations*. 2023. Vol. 4. No. 4/S. P. 82–86.
22. Samadova F., Chynykeeva G. Key priorities of the foreign policy of Kyrgyzstan and Uzbekistan // *Bulletin of Osh State University. History*. 2022. No. 1. P. 77–82.
23. Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
24. Cooley A. *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 272 p.
25. Signing of new cooperation documents between the Republic of Tajikistan and the Kyrgyz Republic. 13.03.2025 // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan. URL: <https://www.mfa.tj/en/main/view/16742/signing-of-new-cooperation-documents-between-the-republic-of-tajikistan-and-the-kyrgyz-republic> (дата обращения: 06.05.2026).
26. Trilateral meeting of the Presidents of Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan. 31.03.2025 // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan. URL: <https://mfa.tj/en/ashgabat/view/16912/trilateral-meeting-of-the-presidents-of-tajikistan-kyrgyzstan-and-uzbekistan> (дата обращения: 08.03.2026).
27. Usenov A. The evolution of the policy of Russia and the United States of America towards the countries of Central Asia // *Science, New Technologies and Innovations of Kyrgyzstan*. 2023. No. 3. P. 54–56.

- 28.A/RES/73/226. Midterm comprehensive review of the implementation of the objectives of the International Decade for Action, “Water for Sustainable Development”, 2018–2028 // United Nations. URL: <https://docs.un.org/en/a/res/73/226> (дата обращения: 03.04.2026).
- 29.A/RES/77/158. International Year of Glaciers’ Preservation, 2025: resolution adopted by the General Assembly on 14 December 2022 // United Nations. URL: <https://docs.un.org/en/a/res/77/158> (дата обращения: 22.04.2026).
- 30.Megoran N. Nationalism in Central Asia: A Biography of the Uzbekistan–Kyrgyzstan Boundary. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2017. 368 p.
- 31.Tolipov F., Mamatazimov A., Nogoybaeva E. et al. Five States and/or One Region? National-Regional Dualism in Central Asia. Almaty: Friedrich Ebert Stiftung; CAPG; Almaty Club, 2015. 75 p.

REFERENCES:

1. Foreign Policy Concept of the Republic of Tajikistan: approved by Decree of the President of the Republic of Tajikistan No. 332 of 27 January 2015 // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan> (date of appeal: 06.03.2026). [In Russian]
2. In Tajikistan, the Active Phase of the Joint Exercise “Rubezh-2024” has been completed. 21.10.2024 // Collective Security Treaty Organization. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-tadzhikistane-zavershilas-aktivnaya-faza-sovmestnogo-ucheniya-rubezh-2024/ (date of appeal: 08.03.2026). [In Russian]
3. Joint Declaration Following the First European Union-Central Asia summit. 04.04.2025 // European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/04/04/joint-declaration-following-the-first-european-union-central-asia-summit/> (date of appeal: 06.05.2026).
4. Xi Jinping Attends the Second China-Central Asia Summit and Delivers a Keynote Speech. 17.06.2025 // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zy/jj/xjpcxdejzgzyfh/202506/t20250619_11653305.html (date of appeal: 06.05.2026).
5. Meeting of the Secretariat “Central Asia — United States” in C5+1 Format. 04.09.2025 // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan. URL: <https://www.mfa.tj/en/main/view/17488/meeting-of-the-secretariat-central-asia-united-states-in-c51-format> (date of appeal: 06.05.2026).
6. World Bank Supports Roghun Hydropower Project to Improve Access to Affordable, Reliable, and Sustainable Electricity in Tajikistan and Central Asia. 17.12.2024 // The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/12/17/world-bank-support-rogun-hydropower-project-to-improve-access-affordable-reliable-and-sustainable-electricity-tajikistan> (date of appeal: 06.05.2026).
7. Tajikistan: Roghun Hydropower Development Project – Phase 1 // Asian Infrastructure Investment Bank. URL: <https://www.aiib.org/en/projects/details/2024/approved/Tajikistan-Rogun-Hydropower-Development-Project-Phase-1.html> (date of appeal: 06.05.2026).
8. Is DB and Tajikistan Consolidate Cooperation in Hydropower Sector with US\$150 Million Financing Agreement. 10.06.2024 // Islamic Development Bank. URL: <https://www.isdb.org/news/isdb-and-tajikistan-consolidate-cooperation-in-hydropower-sector-with-us150-million-financing-agreement> (date of appeal: 06.05.2026).
9. Tajikistan Hosts International Conference on Glaciers’ Preservation. 30.05.2025 // World Meteorological Organization. URL: <https://wmo.int/news/media-centre/tajikistan-hosts-international-conference-glaciers-preservation> (date of appeal: 06.05.2026).

10. Sattorzoda A. *Current Problems of Tajikistan's Foreign Policy: Multi-Vector Policy in Action* / A. Sattorzoda; ed. by F. N. Salimov. Dushanbe: Mohi Munir, 2026. 461 pp. ISBN 978-99985-31-29-1. [In Russian]
11. Saidov Z. Sh. *Foreign Policy of the Republic of Tajikistan (1991–2017): textbook*. 2nd ed. Dushanbe: Kontrast, 2017. 142 pp. [In Russian]
12. Rizoyon Sh. Sh. *National interests in the foreign policy of the Republic of Tajikistan: monograph*. Dushanbe: Donish, 2020. 320 pp. [In Russian]
13. Sharipov A. N. *Main Stages in the Formation of the Foreign Policy of the Republic of Tajikistan* // *Post-Soviet Studies*. 2019. Vol. 2, No. 7. PP. 1503–1510. [In Russian]
14. Maitdinova G. S. *Tajikistan's Policy on Maintaining Stability in Central Asia in the Context of the Emerging Polycentric World* // *International Relations and Security*. 2022. No. 1(1). PP. 75–95. [In Russian]
15. Popov D. S. *Central Asian States in the Foreign Policy of the Republic of Tajikistan: problems and dynamics of relations* // *Problems of National Strategy*. 2020. No. 4(61). PP. 102–120. [In Russian]
16. Salimov F. N. *The Influence of External Actors on the Stability of Central Asia: Competition of the Strategies of Russia, China, the USA and the EU* // *Bulletin of the Tajik National University*. 2025. No. 12. PP. 5–13. [In Russian]
17. Salimov F. N., Gulbekova S. F. *The Influence of Geopolitical Factors on the Development of Border Relations between Tajikistan and Kyrgyzstan* // *Bulletin of the Tajik National University*. 2024. No. 6, Part II. PP. 24–33. [In Russian]
18. Salimov F. N. *Strategic Cooperation between the Republic of Tajikistan and the Republic of Uzbekistan in the Context of Contemporary Global Challenges and Threats (2017–2023)* // *Bulletin of the Tajik National University. Series of Socio-Economic and Social Sciences*. 2023. No. 10. PP. 5–14. [In Russian]
19. Akkozshina N. O., Darkenov K. G. *The Role of International Organizations in Ensuring Regional Security in Central Asia: The case of the SCO and NATO* // *Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University*. 2024. No. 149(4). PP. 143–155.
20. Delovarova L., Sultanmuratov N., Yermekbayev A. *Some Theoretical and Practical Aspects of Regional Integration in Central Asia. Assessing the potential for economic cooperation* // *Journal of Central Asian Studies*. 2023. Vol. 89, No. 1. PP. 32–41.
21. Khaidaraliev S. *The Role of Uzbekistan in Regional Security and Cooperation in Central Asia* // *Society and Innovations*. 2023. Vol. 4, No. 4/S. PP. 82–86.
22. Samadova F., Chynykeeva G. *Key Priorities of the Foreign Policy of Kyrgyzstan and Uzbekistan* // *Bulletin of Osh State University. History*. 2022. No. 1. PP. 77–82.
23. Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 pp.
24. Cooley A. *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 272 pp.
25. *Signing of New Cooperation Documents between the Republic of Tajikistan and the Kyrgyz Republic*. 13.03.2025 // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan. URL: <https://www.mfa.tj/en/main/view/16742/signing-of-new-cooperation-documents-between-the-republic-of-tajikistan-and-the-kyrgyz-republic> (date of appeal: 06.05.2026).
26. *Trilateral meeting of the Presidents of Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan*. 31.03.2025 // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan. URL: <https://mfa.tj/en/ashgabat/view/16912/trilateral-meeting-of-the-presidents-of-tajikistan-kyrgyzstan-and-uzbekistan> (date of appeal: 08.03.2026).

27. Usenov A. *The Evolution of the Policy of Russia and the United States of America towards the Countries of Central Asia* // *Science, New Technologies and Innovations of Kyrgyzstan*. 2023. No. 3. PP. 54–56.
28. A/RES/73/226. *Midterm Comprehensive Review of the Implementation of the Objectives of the International Decade for Action, “Water for Sustainable Development”, 2018–2028* // United Nations. URL: <https://docs.un.org/en/a/res/73/226> (date of appeal: 03.04.2026).
29. A/RES/77/158. *International Year of Glaciers’ Preservation, 2025: resolution adopted by the General Assembly on 14 December 2022* // United Nations. URL: <https://docs.un.org/en/a/res/77/158> (date of appeal: 22.04.2026).
30. Megoran N. *Nationalism in Central Asia: A Biography of the Uzbekistan–Kyrgyzstan Boundary*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2017. 368 pp.
31. Tolipov F., Mamatazimov A., Nogoybaeva E. et al. *Five States and/or One Region? National-Regional Dualism in Central Asia*. Almaty: Friedrich Ebert Stiftung; CAPG; Almaty Club, 2015. 75 pp.